

Э. Киуру

**ОТРАЖЕНИЕ МАТРИЛИНЕЙНОГО СЧЕТА РОДСТВА
В ИЖОРСКИХ ПРИЧИТАНИЯХ**

Причитания, справедливо считающиеся одним из наиболее древних жанров народной лирики, до недавнего времени оставались самым малоизученным жанром в фольклоре прибалтийско-финских народов. Возникший сравнительно недавно интерес исследователей к этому жанру у карелов, ижоров и сету связан, по-видимому, с тем, что причитания, особенно похоронные, неожиданно обнаружили удивительную жизнеспособность: они не только сохранились до наших дней, но и продолжают в какой-то степени выполнять свою функцию в похоронном обряде. Кроме того, пройдя чрезвычайно долгий путь исторического развития, плачи у карел и ижоров сохранили очень древние элементы как в содержании и лексике, так и в выразительных средствах. Их с трудом удается «расшифровать» с помощью изучения обрядов, верований, семейно-родовых отношений и других сторон архаического быта.

Из новейших исследований традиции причети у прибалтийско-финских народов следует назвать обобщающую работу финского ученого Лаури Хонко «Поэзия причитаний», опубликованную в 1963 г. в первой книге истории литературы Финляндии¹ и в 1974 г., изданной в дополненном виде на английском языке². В этом исследовании, построенном главным образом на карельском материале, рассматривается поэтика причитаний, их генезис, историческое развитие и бытование, а также другие вопросы, касающиеся изучения плачей прибалтийско-финских народов.

В Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР У. С. Конкка завершила монографию о карельских причитаниях. Большое внимание исследовательница уделила изучению бытовой основы и функциональной роли причети, что позволило ей, с одной стороны, выяснить природу многих художественно-выразительных средств карельских плачей, с другой — лучше понять некоторые моменты обрядов (в состав которых входят плачи), верований, древних форм художественного мышления и т. д.

Плодотворную работу по собиранию и публикации карельских причитаний проводит под руководством У. С. Конкка А. С. Степанова. Ею подготовлен к печати сборник причитаний с переводами текстов на русский язык.

Изучением ижорских причитаний занимались только финские фольклористы. В конце XIX в. финский собиратель и исследователь Волмари Поркка опубликовал обстоятельную статью, в которой рассматривает содержание и поэтику причитаний³, в 1965 г. появилась статья Р. Ниэ-

¹ Lauri Honko, *Itkuvirsirunous*, в кн. «Suomen kirjallisuus I. Kirjoittamaton kirjallisuus», Keuruu, 1963.

² Lauri Honko, *Balto-Finnic Lament Poetry*, «Studia Fennica 17», Helsinki, 1974, p. 9—61.

³ V. Porckka, *Inkerin itkuvirsista*, Valvoja, 1883, № 7, s. 199—208; № 8, s. 26—271.

мянен о метафорических заменах в свадебных плачах⁴. В наши дни исследованием ижорских плачей занялась А. Нэнла-Каллио, опубликовавшая работы о типологии метафорических замен и локальных особенностях ижорских причитаний⁵.

До последнего времени ижорские причитания почти не публиковались, если не считать двух-трех образцов, включенных в упомянутое исследование В. Поркка⁶ и в статью А. Неовиуса⁷. В 1974 г. автор настоящей статьи опубликовал в одном из ленинградских сборников⁸ 27 ижорских причитаний, записанных в последние десятилетия. Кроме того, несколько десятков плачей, записанных им в последние годы в деревнях Сойкинского сельсовета Ленинградской области, будут включены в сборник ижорских причитаний, подготавливаемый в Финляндии под редакцией проф. Л. Хонко.

К сожалению, автору статьи не удалось ознакомиться со всем этим материалом, и его наблюдения основаны на собственном материале и частично на тех данных, которые можно было извлечь из работ финских фольклористов, сопровождавших свои статьи большим количеством примеров.

Ижорская традиция причети имеет общие с карельской генетические корни, что проявляется в сходстве поэтики и традиционной схемы содержания похоронных причитаний, в сохранении в них реликтов магических и заклинательных элементов, свидетельствующих о былой ритуально-магической функции плачей. Генетическая общность карельской и ижорской традиции принимается исследователями как аксиома уже в силу самой общности происхождения этих народов. Однако следует помнить, что ижорские причитания не одно столетие развивались изолированно от карельских и поэтому представляют собой оригинальное и самобытное явление. Наша задача состоит в том, чтобы дать краткое описание особенностей поэтической формы ижорской причети и попытаться глубже рассмотреть некоторые моменты специфической системы метафорических замен терминов родства⁹. В этих заменах, как нам кажется, отразились определенные родственные и социальные отношения на ранних ступенях исторического развития ижоров.

По форме ижорские причитания представляют собой стихи, насыщенные аллитерацией и смысловым параллелизмом, что характерно для всего арханческого слоя традиционной карело-финской народной поэзии.

К сожалению, закономерности стиха как карельских, так и ижорских причитаний совершенно не изучены. Можно только отметить, что стихотворный размер ижорской причети резко отличается от «калевальского» стиха. Причеть не имеет постоянного числа слогов и стихотворных стоп. Весьма своеобразная ритмика стиха поддерживается аллитерацией и неравномерно распределяющимися ударными слогами и паузами между периодами. Каждая строка заканчивается метафорической заменой в форме либо обращения, либо обособленного определения, чем достигается четкое, в отличие от карельской причети, деление

⁴ Raija Nieminen, Miun kohjaikkaiset korvoimarjukkaisein. Morsiamen käyttämät sisarusten, kummien, sukulaisten ja kyläläisten hellittelymetofoorat Inkerin hääitkuissa, «Kalevalaseuran vuosikirja», № 45, Helsinki, 1965, s. 309—343.

⁵ Aili Nenola-Kallio, Itkuvirsien henkilönnimitysten typologiaa, «Sananjalka 14», Turku, 1972, s. 177—190; е е же, Inkerin itkuvirsialuejako, «Sananjalka 15», Turku, 1973, s. 93—130; е е же, Lucky Shoes or Weeping Shoes: Structural Analysis of Ingrian Shoeing Laments, «Studia Fennica 17», Helsinki, 1974, p. 62—91.

⁶ V. P o r k k a, Указ. раб., стр. 267—271.

⁷ Ad. Neovius, Suomalaisista itkuvirsistä. Itärajalta, «Käkisalmen 600-juhlan muisto», Käkisalmi, 1894, s. 142—146.

⁸ «Народные песни Ингерманландии», Л., 1974, № 133—159.

⁹ Термин «метафорическая замена» введен в фольклористику К. В. Чистовым. См. К. В. Ч и с т о в, Русская причеть, в кн. «Причитания», Л., 1960, стр. 12, 429.

стихов и образование стрóf. Однако метафорические замены в ижорских причитаниях выполняют не только формообразующую функцию. Они завершают стрóфу и воздействуют на характер аллитерации и ритмики стиха, а также несут на себе существенную эмоциональную нагрузку, являясь одним из основных выразительных средств плача.

Метафорические замены в ижорских причитаниях служат условным обозначением упоминаемых в плаче лиц. В ижорской причети, как и в карельской¹⁰, действует закон избегания терминов родства, собственных имен, обычных в бытовой речи слов, обозначающих различных лиц ближайшего окружения (друга, подругу, жениха, невесту, т. д.). В плачах не принято также называть обычными словами некоторые предметы и явления (например, смерть). Такая система иносказаний возникла вследствие табу на ряд слов, как это убедительно доказано К. В. Чистовым на русском¹¹ и У. С. Конкка на карельском материале¹². В ижорских и карельских причитаниях мы не найдем слов «мать», «ребенок», «дочь», «сын», «муж». Для этих терминов родства существует целая система условных обозначений. Даже себя плакальщица не называет иначе как «страдающей», «горемычной», «грустящей», «беззащитной», «несчастной» и т. п. Правда, в отличие от карельских, в ижорских причитаниях вполне допустимо использование личных местоимений в сочетании с метафорическими заменами.

Употребление в плачах метафорических замен или условных обозначений вместо обычных слов считается архаичной чертой поэтики причети и само по себе не есть исключительно карельско-ижорское явление. Однако последовательность, с какой этот закон избегания терминов родства соблюдается и в карельских, и в ижорских причитаниях, всегда обращала на себя внимание исследователей. Общими для карельских и ижорских причитаний являются и некоторые основные принципы образования замен терминов «мать» и «ребенок». Вместе с тем, в целом, система замен терминов родства в ижорских причитаниях отличается некоторыми особенностями, изучение которых имеет принципиальное значение.

В зависимости от способа образования эти замены можно разбить на несколько групп.

1. Замены термина «мать» — отглагольные существительные, образованные в основном от глаголов, обозначающих рождение ребенка, уход за ним, воспитание, материнскую ласку: *synnyttelijäiseni, kanta-jäiseni, helmintoojäiseni, imettelijäiseni, hyvittelijäiseni* («та, которая родила, носила, принесла в подоле, кормила грудью, ласкала»). Таких замен насчитывается несколько десятков.

2. Замены термина «ребенок» (сын, дочь) образуются от основы третьего инфинитива тех же глаголов, что и замены термина «мать». Отличие состоит лишь в том, что замены термина «ребенок» несут в себе значение объекта действия: *synnyttämäiseni, kantamaiseni, helmintoomaineni, imeteltyiseni, hyviteltyiseni* (та (тот), кто рожден, ношен, принесен в подоле, кормлен или вскормлен грудью, кого укачивали, ласкали); замены термина «ребенок» являются символами красоты, нежности, ласки (цветок, птичка, листок, веточка, земляничка и т. д.), метонимиями или метафорами (кудрявая головушка, красивая рученька, шелковые волосы).

¹⁰ См. А. С. Степанова, О метафорических заменах терминов родства в северокарельских причитаниях, «Вопросы финно-угроведения», вып. V, Йошкар-Ола, 1970, стр. 249—252.

¹¹ К. В. Чистов, Указ. раб., стр. 12, 13.

¹² У. С. Конкка, Табу слов как стилистическая основа карельских причитаний. Это сообщение было сделано на Всесоюзной научной конференции «Проблемы тесной фольклора», состоявшейся в ноябре 1972 г. в Тбилиси.

Группа замен термина «ребенок» наиболее обширная и детально разработанная¹³. Эти замены представляются первичными по отношению к заменам термина «мать», как «первичны» и материнские чувства в сравнении с ответными дочерними и сыновними.

3. Замены термина «брат», «сестра» образуются из сложения двух замен — «матери» и «ребенка». Брат и сестра — это «дети моей матери», что выражается заменой типа «выношенный (ая) моей, меня выносившей (матерью)», «принесенный моей, меня принесшей (матерью)» и т. п.

4. Поскольку отец — это «сын моей бабушки», то здесь к обычной замене термина «ребенок» добавляется определение «*ämmöin*» («бабушка»): «*ämmöin synnytelyiseen*», «*ämmöin imeteltelyiseen*», «*ämmöin kantamaiseen*» («рожденный бабушкой», «грудью вскормленный бабушкой», «выношенный бабушкой»). «Мои дядя и тети также дети моей бабушки», следовательно, и их можно обозначать этими же заменами. В ижорском языке слово «*ämmöi* (*ämmä*)» означает «бабушка», «свекровь» и «теща». Таким образом, эти же замены могут обозначать и мужа, поскольку он «сын свекрови» («*ämmöin akkimaiseen*» — «свекровью взлелеянный»).

Итак, основной принцип создания метафорических замен в ижорских причитаниях — каждый упоминаемый в плаче человек определяется как чей-то ребенок. Наиболее отчетливо это проявляется в тех случаях, когда приглашенная плача причитывает не от своего имени или когда оплакивает смерть постороннего человека. В этих случаях она называет его: «*naisen synnytelyiseen*», «*naisen hellitelyiseen*», «*naisen vaarukkakukaiseen*» — («рожденный женщиной», «обласканный женщиной», «малиновый цветок женщины») и т. п.

Друзья и подруги в свадебных плачах определяются как сверстники — это «*arttelikaiseent*», «*kallihet kasvinkertaiseent*», («соартельщики» и «дорогие сверстники»).

Для обозначения самой себя плача имеет целый арсенал слов, выражающих грусть, тоску, печаль, огорчение и т. д. Обычно эти метафоры служат обособленными определениями к личному местоимению «я» («я, несчастная», «я, хрупкая, грустящая», «меня, беззащитную»). Эти же слова служат эпитетами к остальным метафорическим заменам. Так, полная замена, например, термина «мать» может выглядеть как «моя хрупкая, грустящая, меня родившая», а постороннего лица — как «слабая, озабоченная, женщиной взлелеянная» («*kaitoi leinäkäs synnyttelijäiseni, heikon hoolekas naisen hooliteltuun*»).

Как мы уже говорили, характерная особенность замен терминов родства как в ижорских, так и в карельских причитаниях — тщательное избегание прямого упоминания слов «мать», «дочь», «сын», «ребенок». Между тем замены именно этих терминов, созданные по принципу определения функциональной роли матери как родительницы и воспитательницы ребенка, а ребенка — как объекта этих действий, лежат в основе создания всей системы метафорических замен в ижорских плачах.

Переводя метафорический язык замен на обычный, мы можем сказать, например, что «сын бабушки» — это отец, «сын свекрови» или «сын старшей (женщины в семье)» — муж, «сын» — брат, а «дочь моей матери» — сестра, «сын или дочь посторонней женщины» — любой другой человек. Такая система отсчета родства, имеющая в ижорских плачах универсальное значение, позволяет предположить, что замена терминов «ребенок» (сын, дочь) и «мать» возникла, как показала У. С. Конкка¹⁴, на основе табу этих слов. Характерно, что в заменах отражается кровное родство только по прямой восходящей линии, а это, несомненно, говорит о весьма архаичном счете родства.

¹³ См. Unelma Konkka, Karjalaisen itkuvirsirunouden tutkimuksen ongelmia, «Virittäjä», 1958, № 2, s. 178.

¹⁴ У. С. Конкка, Табу слов как стилистическая основа карельских причитаний.

Семейные отношения между мужем и женой выражаются весьма слабо и своеобразно. Муж не «кормилец», не «надежная семеюшка», не «надежная головушка», как в русских плачах, а только ребенок «старшей», «свекрови» или «бабушки», как и другие мужчины рода.

Примечательно и то, что в замене термина «отец» родственная связь совсем не выступает. В отличие от термина «мать» здесь мы не найдем и отражения роли отца как воспитателя детей или главы семьи. Часто отец, как и любой мужчина данного рода, просто «сын бабушки» («*ätmöin kasvateltuiseen*» — «выращенный бабушкой») или «сын женщины» («*naisen imeteltysiseen*» — «женщиной вскормленный»). Он может получить также определение по характерной мужской одежде («суконная свитка»), рабочему инструменту («*kultoi kerveyhyiseen*» — «золотой топорик»). Таким образом, замены термина «отец» принципиально отличаются от замены термина «мать». Зато совершенно аналогичны не только принципы образования замен терминов «отец», «муж» и любой мужчина вообще, но и сами эти замены. Муж, как и отец, — это всегда ребенок «бабушки», «старшей», как и любой мужчина данного рода, или ребенок «женщины», как любой посторонний человек.

Весьма примечательно одно исключение: в некоторых случаях термин «отец» не только не избегается, но даже входит в состав замены. Такова, например, широко распространенная замена «*isoi linnaiseni*» («отец-крепость», т. е. защитник). Ее компонентом является слово «отец» («*isoi*»), на которое закон табу почему-то не распространяется. В чем же здесь дело?

Финский языковед Р. Э. Нирви, изучавший этимологию и историю развития терминов родства в финно-угорских языках, указывает, что слова «*iso*», «*iza*» и другие производные от данного корня в различных языках означают то «(моего) старшего брата или младшего брата отца» (в марийском языке), то «старшего брата отца» (в мордовском). Данное слово по происхождению не термин родства, а уважительное обращение к старшему мужчине рода или вообще к любому старшему мужчине¹⁵. Это чрезвычайно значительный для нас факт. Во-первых, именно в нем, быть может, кроется объяснение причины отсутствия табу на слово «*isoi*» в ижорских причитаниях. Во-вторых (и это самое главное), наблюдение Р. Э. Нирви удивительно сходно с обнаруженным нами явлением: в ижорских причитаниях одна и та же замена может означать отца, мужа и любого старшего мужчину. Следовательно, мы имеем дело не с исключительным, характерным только для образной системы причитаний явлением, а с общей закономерностью исторического развития языка, отразившего реально существующие социальные отношения в родовом коллективе на определенной стадии развития общества. Отражение этих же отношений, видимо, обнаруживается и в заменах терминов родства в причитаниях. Однако при этом надо помнить, что мы имеем дело здесь не с обычным языковым материалом, а с художественным воспроизведением социальной действительности. Кроме того, описанное явление, несмотря на свой исключительно консервативный характер, на протяжении столетий существования и развития причитаний не могло не подвергнуться изменениям и наслоениям различных стадий эволюции жанра причети.

Вернемся теперь к этимологии слова «*iso* (*iza*, *isä*)». Р. Э. Нирви полагает, что значение «отец» это слово получило только в период формирования прибалтийско-финских языков. По его мнению, первоначально оно употреблялось (вследствие закона табу на термины родства) при замене какого-то ныне забытого термина, обозначавшего слово «отец», и лишь постепенно получило то значение, которое имеет в наши

¹⁵ R. E. Nirvi, *Synonymitutkimuksia sukulaisnimistön alalta*, Helsinki, 1952, s. 122—124.

Другой финский ученый, фольклорист и этнограф У. Харва, выдвигает гипотезу, согласно которой слово «isa», как и некоторые другие слова, превратившиеся в современных финно-угорских языках в термины родства, на ранних ступенях социально-исторического развития было просто обращением, обозначающим лиц определенного поло-возрастного класса. В отличие от Р. Э. Нирви, связывающего развитие и появление новых терминов родства с законом табу слов, У. Харва не без основания видел здесь связь с ранними формами семейно-брачных отношений¹⁷.

Нам представляется, что при толковании возникновения и развития терминов родства У. Харва стоит на более реалистической основе, чем Р. Э. Нирви, поскольку на определенной стадии социально-исторического развития счет родства мог идти только по материнской линии и все те родственные отношения, которые характерны для современной моногамной семьи, не фиксировались. Одинаковое же название отца и любого мужчины объясняется не законом табу, а отсутствием понятия «отец». Это значение слово «isä» могло получить в прибалтийско-финских языках только тогда, когда появился индивидуальный брак и парная семья и стало возможным отличить отца от «любого мужчины».

Если данное предположение верно, то мы должны допустить, что слово «isoi» вошло в состав замены, обозначавшей просто мужчину («воина-заступника?»), еще до того, как приобрело значение понятия «отец». Поэтому на него не распространялось табу. Не подвергалось оно табуированию и впоследствии — то ли в силу того, что замены с компонентом «isoi» стали традиционными и устоявшимися, то ли потому, что в этом термине, по укоренившимся представлениям, не усматривалась опасность «раскрытия» кровнородственных связей. Интересно отметить также, что слово «ämmöi» («бабушка», «свекровь», «теща»), входящее в состав замен, тоже не табуируется. Напомним, что замены, в которых это слово является определением принадлежности (в сущности кровнородственной связи) упоминаемого в плаче лица, могут означать отца, мужа, дядю, тетю.

Возникает вопрос: почему термин ämmöi («бабушка») не табуирован? Ведь это не только кровная родственница плачеи, но прежде всего мать упоминаемого в плаче лица — отца, дяди, тети, а общая закономерность избегания терминов родства связана как бы с попыткой зашифровать именно такую кровнородственную связь.

Недоумение рассеется, если мы обратимся к этимологии слова «ämmöi», приведенной в упомянутом исследовании Р. Э. Нирви. Оказывается, первоначально оно означало «большая» и, вероятно, употреблялось в некоторых финно-угорских языках как ласкательное обращение к старшей женщине¹⁸. Следовательно, замена типа «ämmöin imeteltäseen» («грудью вскормленный бабушкой», букв. «бабушке принадлежащий») означала не степень родства между «ämmöi» («старшей») и упомянутым лицом, а иные, социальные отношения родового коллектива, где предводительницей («большой»), вероятно, была женщина, старшая в роду. Отражение аналогичных отношений внутри еще недавно существовавшей патриархальной семьи можно найти в тех заменах, где вместо «ämmöi» используется слово «vanhempi» («старшая»).

Дальнейшее изучение отражения семейно-родственных отношений в метафорических заменах терминов родства могло бы послужить основой при выяснении многих проблем, таких, как стадийность происхождения жанра причитаний, установление относительного возраста

¹⁶ R. E. Nirvi, Указ. паб., стр. 105.

¹⁷ Uno Harva, Suomensukuisten kansain sukulaismiestön rakenne, «Virittäjä», 1938, № 3, s. 297—310.

¹⁸ R. E. Nirvi, Указ. паб., стр. 146.

различных видов причети (похоронная, свадебная, рекрутская и бытовая) и др.

Следует признать, что наши выводы нуждаются в дальнейшей проверке с помощью данных по истории семьи и брачных отношений у финно-угорских народов. Если бы описанная система метафорических замен терминов родства была свойственна одной национальной или этнической традиции, то ее можно было бы объяснить, исходя из специфических для жанра причитаний закономерностей художественного и эмоционального воздействия. Известно, что одна из главных задач причети состоит в том, чтобы в соответствии с требованием обряда заставить людей открыто выразить горе и скорбь. Поэтому причеть всегда апеллирует к наиболее легко возбудимым чувствам человека. Являясь сугубо «женским жанром», причитание не случайно делает ставку прежде всего на материнскую любовь. Отсюда такое обилие замен, отражающих ранний возраст ребенка, взаимоотношения матери и ребенка, и совсем нет обращения к отцовским чувствам. Казалось бы, именно эту особенность причети можно принять за причину зарождения и развития специфической образной системы карельско-ижорской традиции. Однако чрезвычайная архаичность избегания обычных терминов родства, возникшего на основе закона табу в похоронных причетах¹⁹, заставляет думать, что закономерность эмоционально-эстетического воздействия и особенности бытования причети как «женского жанра» создали условия для сохранения на протяжении столетий своеобразных социальных отношений родового коллектива, возникших в глубокой древности на стадии зарождения самого жанра причети.

¹⁹ У. С. Конкка, Табу слов как стилистическая основа карельских причитаний.